

Сьюзен Элизабет Филлипс
Мое непослушное сердце
Серия «Звезды Чикаго», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125314
Мое непослушное сердце: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084254-4

Аннотация

Гордая, независимая писательница детских книжек — и грубовато-мужественный футболист. Что могло объединить столь разных людей? Только то, что вообще объединяет мужчину и женщину! Только — короткий миг сумасшедшей страсти... Только — ребенок, который стал плодом этой страсти... Только — необходимость дать ребенку законное имя... И тогда мужчина и женщина, готовые, казалось бы, забыть друг о друге, поневоле вынуждены стать мужем и женой. Что может выйти из такого союза? Жгучая ненависть? Или — безумная, пылкая любовь, не признающая ни различий, ни условностей?...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	36
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сьюзен Элизабет Филлипс

Мое непослушное сердце

Роман

Посвящается Джил Барнетт за ее талант свахи

Глава 1

Крольчишка Дафна любовалась ноготками, только что покрытыми блестящим фиолетовым лаком, когда Барсук Бенни, мчавшийся на своем красном горном велосипеде, самым бессовестным образом сбил ее с лап.

*— Ах ты, паршивый барсучишка! — взвизгнула она. — Жаль, что никто не догадался проколоть тебе шины!
Дафна летит кувырком*

В тот самый день, когда Кевин Такер едва не убил ее, Молли Сомервиль поклялась навеки отвергнуть неразделенную любовь. Забыть о ней. Зарыть в могилку и засеять газонной травкой.

Обиднее всего, что она, никому не мешая и никого не трогая, осторожно огибала раскатанные до блеска наледы на автостоянке административного здания «Чикаго старз», когда неизвестно откуда, как джинн из бутылки, вырвался Кевин на своем новехоньком «феррари-спайдере» огненно-красного цвета, обошедшемся ему в кругленькую сумму — сто сорок тысяч зеленых. Его автомобиль под бешеный визг шин и рычание мотора вымахнул из-за угла, разбрызгивая во все стороны грязь, смешанную с подтаявшим снегом. Поняв, что столкновение неминуемо и сейчас багажник врежется ей в бедро, Молли в панике отпрянула. Но удержаться на ногах не удалось, она ударилась о бампер принадлежавшего зятю «лексуса» и, поскользнувшись, рухнула на землю, исходя бессильной злобой.

Кевин Такер и не подумал сбросить скорость.

Молли проводила взглядом огни машины и с трудом встала. Комья грязного снега и глины облепили штанины ее безумно дорогих фирменных брюк «Комм де Гарсон», сумка из «Прады» превратилась в бесформенный мешок, а итальянский сапожок был изуродован длинной царапиной.

— Тоже мне, ведущий игрок! — прошипела она. — Жаль, что до сих пор никто не догадался тебя кастрировать!

Он даже не увидел ее, не говоря уж о том, что едва не убил! Как говорится, Кевин Такер в своем репертуаре! За все время игры в футбольной команде «Чикаго старз» Кевин Такер, похоже, не позаботился узнать о ее существовании!

Дафна отряхнула пушистый белый хвостик, счистила грязь с переливающихся голубых лодочек и решила купить себе самые быстрые в мире роликовые коньки. Такие, чтобы в два счета можно было догнать Бенни и его горный велосипед...

Молли решила было вскочить в свой «жучок» — зеленовато-желтый «фольксваген-битл», купленный в салоне подержанных автомобилей после продажи «мерседеса», и броситься в погоню за наглецом, но даже ее буйное воображение оказалось бессильным дорисовать достойное завершение этой авантюры.

Она медленно пошла к дверям, морщась и качая головой. До чего же она себе противна! Увлечлась тщеславным, пустым, безответственным типом, которому ни до чего нет дела, кроме дурацкого футбола! С нее довольно! С несчастной любовью покончено навеки!

Ну... не то чтобы это была настоящая любовь. Скорее, идиотское увлечение этим кретином! В шестнадцать лет такое еще прощительно, но для двадцатисемилетней женщины с индексом интеллекта, приближенным к гениальному, подобные выходки, мягко говоря, смешны!

Из стеклянных дверей, увенчанных эмблемой команды — три золотые, сцепленные лучами звезды в небесно-голубом овале, — ударила струя теплого воздуха. Теперь Молли проводила в административном здании команды значительно меньше времени, чем в школьные годы. Но даже тогда она чувствовала себя тут чужой. Неисправимый, стопроцентный, прирожденный романтик, Молли предпочитала хорошую книгу или музей бессмысленному сидению на трибунах. Правда, она была преданной болельщицей «Старз», но скорее следовала семейным традициям, чем собственным пристрастиям. Кровь, пот, бешеный перестук наплечников и глухие звуки ударов были так же чужды ее натуре, как... Кевин Такер.

— Тетя Молли!

— Мы тебя ждали!

— В жизни не угадаешь, что у нас случилось!

Молли улыбнулась прелестным одиннадцатилетним племянницам-двойняшкам, мчавшимся по вестибюлю с такой скоростью, что их длинные волосы развевались за плечами.

Тесс и Джули выглядели миниатюрными копиями своей матери Фэб, старшей сестры Молли, и были похожи, как две горошины, если не считать того, что Тесс вздумала облачиться в джинсы и мешковатую футболку «Старз», а Джули натянула черные «капри» и розовый свитер. Обе были хорошо сложены, прирожденные спортсменки, только Джули любила балет, а Тесс предпочитала игровые виды спорта. Веселые и общительные близняшки Кэйл-боу пользовались успехом у одноклассников и школьных товарищей, но доставляли массу хлопот своим родителям, поскольку ни разу не упустили случая достойно ответить на брошенный кем-то вызов и вечно попадали в разного рода переделки.

Сестры, мчавшиеся на всех парах, вдруг замерли как вкопанные, забыв обо всем, что хотели рассказать. Обе, потеряв дар речи, уставились на волосы тети.

— Господи, да они же красные!

— Точно, красные!

— Клево! Настоящий отпад! Почему ты нам не сказала?

— Да... как-то вдруг вышло... я и не думала... — оправдывалась Молли.

— Я тоже выкрашусь в такой цвет! — провозгласила Джули.

— Не самая хорошая идея, — поспешно ответила Молли. — Лучше объясни, что вы хотели мне сказать.

— Папа рвет и мечет! — объявила Тесс.

— Он и дядя Рон снова поцапались с Кевином, — возбужденно вторила сестре Джули. Молли, совсем забыв, что несколько минут назад решительно отказалась от неразделенной любви, наострила уши.

— Что он еще наделал, кроме того, что едва меня не сбил?

— Он... тебя?

— Забудьте. Так что случилось?

Джули взволнованно вздохнула:

— Он прыгал с парашютом в Денвере накануне игры с «Бронкос».

— Вот это да... — прошептала Молли.

— Па только что узнал об этом и штрафанул его на десять тысяч долларов!

— Вау!

Насколько знала Молли, это был первый штраф, который заплатил Кевин.

Приступы странной бесшабашности, подчас угрожавшие его жизни, начались как раз перед июльскими сборами, когда любительские мотоциклетные гонки по пересеченной местности закончились вывихом запястья. И настолько не похоже было на Кевина ставить под удар свою спортивную карьеру, что все сочувствовали ему, особенно Дэн, считавший Такера эталоном профессионализма. Однако его мнение постепенно начало меняться после того, как до него дошли слухи о том, будто во время сезона Кевин отправился в Моньюмент-Вэлли полетать на параплане.

Вскоре куотербек, иначе говоря — ведущий игрок, обзавелся сверхскоростным «феррари-спайдером», тем самым, что едва не прикончил Молли на автостоянке. Затем в прошлом месяце в «Сан таймс» расписали, как Кевин, сбжав из Чикаго после обсуждения результатов игры, улетел в Айдахо, где провел день в уединенной лощине Сан-Вэлли, развлекаясь хели-скиингом¹. Поскольку в тот раз все обошлось благополучно, Такер отделался всего лишь предупреждением Дэна. Но парашютные прыжки, очевидно, окончательно истощили чашу терпения зятя Молли.

— Па, конечно, все время орет, но до сегодняшнего дня он никогда не спускал собак на Кевина, — доложила Тесс. — А Кевин огрызался, да еще как! Мол, он знает что делает, и до сих пор цел и невредим, а папе лучше не совать нос в его дела.

Молли болезненно поморщилась:

— Бьюсь об заклад, твоему па это не слишком понравилось.

— Он кричал так, что стены тряслись, — вставила Джули. — Дядя Рон пытался его успокоить, но тут явился тренер и все началось опять.

— А мама? Что сделала она? — встревоженно осведомилась Молли, зная, как Фэб ненавидит скандалы.

— Ушла в свой кабинет и включила Аланис Морисетт.

Что ж, возможно, это к лучшему.

Из-за угла с громким топотом вылетел пятилетний племянник Молли Эндрю и, не сбавляя хода, совсем как «феррари» Кевина, врезался в тетку.

— Тетя Молли! Знаешь, все так кричали, что у меня ушки болят!

Поскольку Эндрю унаследовал от Дэна Кэйлбоу не только внешнюю привлекательность, но и громоподобный голос, Молли искренне усомнилась в последнем утверждении, но все же погладила племянника по голове.

— Бедняжка!

Мальчик поднял на нее глаза.

— И Кевин та-а-ак разозлился на папу, дядю Рона и тренера, что выругался на букву «х».

— Неужели? Как нехорошо!

— Даже два раза!

— О Господи! — Молли едва сдержала улыбку. Понятно, что, проводя столько времени в офисе команды Национальной футбольной лиги, дети слышали и не такие непристойности, но нравы, царившие в семье Кэйлбоу, были достаточно суровы, и каждое неприличное слово влекло за собой тяжкие последствия, хотя и не такие, как десятитысячный штраф Кевина.

Молли не могла понять, как такое могло с ней случиться. Самым ненавистным в ее увлечении Кевином был тот неоспоримый факт, что она умудрилась втрескаться именно в него, самого поверхностного, самого ограниченного во всем мире типа. Футбол — вот все, что интересовало его в жизни. Матчи и бесконечная процессия топ-моделей с одинаково пустыми лицами. Где он их только находит? В интернет-сайте «Мисс Ничтожество.com.»?

---

¹ Лыжный спорт в горах, куда поднимаются на вертолете. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Привет, тетя Молли.

В отличие от остальных отпрысков Фэб и Дэна восьмилетняя Ханна не подбежала, а спокойно подошла к тетке. Хотя Молли любила всех четырех одинаково, все же относилась к этой незащищенной и слишком уязвимой девчужке, не обладавшей ни ловкостью, ни безграничной самоуверенностью сестер и брата, немного иначе. Ханна с самого рождения была чересчур чувствительной, безнадежно романтичной мечтательницей, одаренной богатым воображением, обожавшей читать и рисовать. Словом, копия своей тетушки.

— Мне нравятся твои волосы.

— Спасибо.

Проницательные серые глаза мгновенно подметили то, что ускользнуло от внимания старших сестер: грязь на брюках Молли.

— Что стряслось?

— Упала на автостоянке. Ничего страшного.

Ханна задумчиво прикусила нижнюю губу.

— Тебе уже рассказали, как поссорились папа и Кевин?

Девочка явно расстроилась, и Молли знала почему. Кевин иногда бывал в доме Кэйлбоу, и Ханна, совсем как ее глупая тетушка, втайне вздыхала по нему. Только в отличие от чувств Молли любовь девочки была чиста и невинна.

— Люди должны отвечать за свои поступки, солнышко, и Кевин не исключение.

— И что с ним теперь будет? — прошептала Ханна.

Молли, в полной уверенности, что Кевин очень скоро утешится с очередной моделью, едва говорящей по-английски, но зато превосходно владеющей всеми эротическими приемами, рассеянно ответила:

— Думаю, он остынет и все обойдется.

— Боюсь, как бы он не натворил глупостей.

Молли отвела со лба Ханны прядь светло-каштановых волос.

— Снова спрыгнет на лыжах с вертолета, как перед игрой с «Бронкос»?

— Он, наверное, просто не подумал.

Еще бы! Вряд ли ничтожный мозг Кевина способен вместить больше одной мысли! Да разве он может думать о чем-то, кроме футбола? Весьма сомнительно!

Но Молли не собиралась делиться своими соображениями с Ханной.

— Мне нужно поговорить с твоей мамой, а потом мы сможем поехать.

— А после Ханна моя очередь, — напомнил Эндрю.

— Я не забыла, милый, — заверила Молли.

Дети любили ночевать в ее крошечном кондоминиуме на Северном Берегу. Обычно они проводили с теткой выходные, но завтра, в четверг, учителя будут заняты на каком-то семинаре, поэтому Молли решила пригласить к себе Ханну.

— Собирай рюкзак. Я быстро.

Оставив детей, она направилась вниз по коридору, украшенному фотографиями, отражавшими историю «Чикаго старз». Первым висел портрет отца, и Молли заметила, что сестра подчеркнула рога, которые давным-давно пририсовала к его голове. Берт Сомервиль, создатель команды, давно лежал в могиле, но забыть о его жестокости дочери так и не смогли.

Далее следовали официальный портрет Фэб Сомервиль, нынешней владелицы команды, и фото ее мужа, Дэна Кэйлбоу, сделанное в те времена, когда он был старшим тренером, а не президентом «Старз». Молли, улыбаясь, рассматривала снимок своего импульсивного зятя. Дэн и Фэб воспитывали ее с пятнадцати лет и даже в худшие времена были куда более любящими и заботливыми родителями, чем Берт Сомервиль — в лучшие.

Красовался здесь и портрет Рона Мак-Дермита, первого и единственного генерального менеджера команды, или просто «дяди Рона», как называли его дети. Фэб, Дэн и Рон делали все возможное, чтобы как-то совместить титаническую работу по управлению командой НФЛ и семейную жизнь. За эти годы произошло несколько реорганизаций, в результате которых Дэну, покинувшему было «Старз», пришлось вернуться.

Молли сбросила пальто и критически посмотрела на свое отражение в зеркале. Хотя короткая асимметричная стрижка шла ей и подчеркивала разрез глаз, Молли никак не могла успокоиться на достигнутом и выкрасила темно-каштановые волосы в ослепительно яркий оттенок рыжего. Новый цвет делал ее ничем не примечательное лицо более выразительным. Нет, не то чтобы она жаловалась на свою внешность. Нормальный нос, нормальный рот, нормальная фигура — не слишком тощая, не слишком толстая. Короткий взгляд на бюст напомнил о том, с чем она давным-давно смирилась: для дочери шоу-герл она выглядит явно обделенной природой.

А вот глаза ее огорчали меньше — Молли втайне верила, что легкая раскосость придает ей таинственный вид. В детстве она любила закрывать комбинацией нижнюю половину лица, воображая себя прекрасной арабской шпионкой.

Она со вздохом стряхнула грязь с брюк, вытерла любимую сумку и, подхватив стеганое пальто, направилась к кабинету сестры.

Шла только первая неделя декабря, но служащие уже начали развешивать рождественские украшения. С двери кабинета Фэб улыбался Санта-Клаус в форме «Старз» — последний рисунок Молли.

— А вот и тетя Молли! — объявила она, заглядывая в комнату.

Ослепительная блондинка так энергично отбросила ручку, что золотые браслеты на запястьях весело звякнули.

— Слава Богу! Голос разума — именно то, что мне сейчас... Господи! Что ты сделала со своими волосами?!

Сама Фэб с копной роскошных, не знавших краски белокурых волос, янтарными глазами и потрясающей фигурой была похожа на Мэрилин Монро. Именно так выглядела бы звезда, если бы дожила до сорока лет. Впрочем, Молли никак не могла представить Мэрилин Монро с пятном от виноградного желе на шелковой блузке. Что бы ни делала с собой Молли, как бы ни старалась, ей все равно не сравняться с сестрой, но она не завидовала. Только самые близкие люди знали, сколько бед принесли Фэб изумительное тело и роковая красота женщины-вамп.

— О, Молли, неужели опять! — простионала Фэб.

Увидев ужас в глазах сестры, Молли от души пожалела, что не надела шляпу.

— Да успокойся ты! Ничего не случится!

— Успокоиться? Каждый раз, когда тебе приходит в голову особенно изощренным способом поиздеваться над своими волосами, на нас сваливается очередное несчастье! Теперь ничего хорошего не жди.

— Все это в прошлом. Можно подумать, я приношу одни беды! Уж и волосы покрасить нельзя! — обиженно фыркнула Молли.

— Я тебе не верю! Опять вляпаешься в какую-нибудь историю!

— Ничего подобного!

Может, если Молли будет повторять это достаточно часто, ей удастся убедить и себя?

— Тебе было всего десять лет, — пробормотала Фэб, — ты считалась самой способной и примерной ученицей в пансионе. И вдруг ни с того ни с сего отрезала себе косички и подложила в столовой бомбу-вонючку!

— Подумаешь! Химический опыт талантливого ребенка!

— А дальше? Тринадцать лет. Спокойная. Прилежная. После того случая с бомбой ни одного проступка. Пока ты не начала посыпать волосы сухим «Джелло»². И тут взрыв! Ты быстренько собрала все университетские награды и призы Берта, вызвала мусорщиков и потребовала убрать их с глаз долой.

— Но когда я рассказала обо всем, ты обрадовалась, признайся!

Однако Фэб уже завелась и потому не собиралась ни в чем признаваться.

— Прошло еще четыре года. Четыре года идеального поведения и блестящих успехов в учебе. Дэн и я приняли тебя в наш дом и в наши сердца. В выпускном классе ты должна была выступить от имени всей группы на выпускном вечере. У тебя был хороший дом, любящая семья... Кроме того, ты стала вице-президентом школьного совета, так с чего мне было волноваться, если тебе вздумалось выкрасить волосы в оранжево-голубую полоску?

— Это цвета школы, — еле слышно пояснила Молли.

— И тут мне позвонили из полиции и объяснили, что моя сестра, умная, трудолюбивая девочка, хладнокровно включила пожарную сигнализацию во время большой перемены! Да, невинные детские проделки не для нашей Молли! Это вам не простое озорство! Ей подавай сразу злостное хулиганство!

Тут Фэб права, выходка гнусная, а главное — непонятная самой Молли. Она предала людей, любивших ее, и даже после года полицейского надзора и многих часов общественных работ так и не смогла объяснить, что подтолкнуло ее к этому поступку. Озарение пришло позже, на втором курсе Северо-Западного университета.

Дело было весной, перед экзаменационной сессией. Молли почему-то не находила себе места, не могла сосредоточиться и, вместо того чтобы заниматься, глотала один за другим любовные романы или пялилась на себя в зеркало и мечтала о прическе в стиле прерафаэлитов. Однако даже новый шиньон, на который ушли все карманные деньги, не принес ей радости.

Так все и шло, пока в один прекрасный день, покинув книжный магазин, она не обнаружила в кармане калькулятор, за который и не подумала заплатить. К счастью, к тому времени Молли успела достаточно повзрослеть и поумнеть, потому и ринулась обратно, чтобы вернуть калькулятор, а потом отправилась к университетскому психологу...

Фэб вернула сестру к действительности, с шумом отодвинув стул.

— А в тот раз... — начала она, вскакивая.

Молли съежилась, хотя знала, что рано или поздно дело дойдет и до этого.

— ...когда на твоей голове появился этот ужасный «ежик»... два года назад...

— Ничего ужасного, последний крик моды, все носили...

Фэб не позволила ей продолжить:

— Так вот, тогда ты остриглась едва ли не наголо, а потом взяла и выбросила на ветер пятнадцать миллионов долларов!

— Ну... положим... это всего лишь совпадение...

— Ха!

В пятнадцатимиллионный раз Молли объяснила, почему сделала это:

— Деньги Берта душили меня. Мне необходимо было окончательно порвать с прошлым и стать свободной.

— И нищей!

Молли улыбнулась — Фэб никогда не признается, что понимает, почему сестра без сожаления рассталась с наследством.

---

² Фирменное название желе из концентрата.

— Ах, Фэб, какая ты пессимистка! Постарайся увидеть в этом хоть что-то хорошее! Почти никто не знает, что я рассталась с деньгами, и считают меня чудачкой и скрягой, предпочитающей водить подержанный «жучок» и жить в квартирке размером с кладовку.

— Которую ты обожаешь.

Молли не пыталась это отрицать. Мансарда была самым бесценным ее имуществом, и она с гордостью сознавала, что платит по закладной деньгами, заработанными собственным трудом. Только тот, кто, подобно ей, рос, не имея дома, который можно было бы назвать своим, был способен ее понять. Однако Молли решила сменить тему, прежде чем Фэб снова начала читать ей нотации.

— Жевастики сказали мне, что Дэн огрел мистера Ограниченность десятитысячным штрафом по пустой голове.

— Зря ты так. Нехорошо. Кевин вовсе не ограниченный, просто...

— Просто у него узкий круг интересов?

— Честно, Молли, не понимаю, почему ты так его не любишь? Ведь за все эти годы вы едва обменялись десятком фраз.

— Чисто инстинктивно. Стараюсь избегать людей, заиклившись на футболе.

— Знай ты его лучше, наверняка любила бы не меньше, чем я.

— Ну разве не поразительно, что он, как правило, встречается с женщинами, неспособными и трех слов связать по-английски? Впрочем, в этом есть кое-какие преимущества — ничто так не мешает сексу, как осмысленная беседа.

Фэб невольно рассмеялась.

Хотя Молли по давней привычке почти ничего не скрывала от сестры, она стойко молчала о своем увлечении защитником «Старз». Мало того что это позорно и унизительно, так еще Фэб наверняка поделится новостью с Дэном, а это уж совсем ни к чему. Зять горой стоит за свояченицу, и у мужчин неженатых, да еще с нормальной сексуальной ориентацией, не слишком много шансов подобраться к Молли. Беспрепятственно общаться с ней может только примерный семьянин или голубой — это Дэн еще кое-как терпел.

И тут в комнату ворвался он сам — голубоглазый светловолосый гигант. Время было благосклонно к Дэну Кэйлбоу, и за двенадцать лет, что его знала Молли, немногочисленные морщинки лишь добавили обаяния мужественному лицу. Он обладал свойством выделяться в толпе и словно излучал надежность и уверенность.

Когда Фэб унаследовала «Старз», Дэн был старшим тренером команды. На беду, новая владелица ничего не понимала в футболе, и Дэн незамедлительно объявил ей войну. Первые битвы были настолько свирепыми, что Рон Мак-Дермит как-то даже отстранил Кэйлбоу от работы за оскорбление Фэб. Но недаром говорится, что от ненависти до любви — один шаг. Не прошло и полугода, как ярость превратилась в нечто совершенно противоположное.

Молли втайне считала, что именно о таких пылких чувствах складывают легенды и поют баллады. Она решила, что, если ей не посчастливится встретить свою судьбу, пережить то же, что связывало сестру с Дэном, тогда ей вообще ничего не надо, лучше остаться одной. Только Великая Страсть была нужна Молли. Великая Страсть, ха! Да скорее Дэн отменит наложенный на Кевина штраф и зимой расцветут розы!

Зять привычно обнял Молли за плечи. Стоило Дэну очутиться в кругу родных, как он обнимал за плечи того, кто стоял поближе.

У Молли сжалось сердце. За эти годы она не раз встречалась с хорошими, порядочными парнями и даже пыталась убедить себя, что влюблена в кого-то из них, но быстро трезвела, стоило лишь осознать: никто из них и в подметки не годится Дэну. Да что там «в подметки» — их даже жалким его подобием не назовешь! Постепенно Молли заподозрила, что вероятность встретить второго Дэна близка к нулю.

— Фэб, я знаю, тебе нравится Кевин, но на этот раз он зашел слишком далеко.

Тягучий выговор уроженца Алабамы всегда становился заметнее, когда Дэн был чем-то расстроен.

— Именно это ты говорил в тот раз, — отмахнулась Фэб. — И тебе он тоже нравится.

— Не понимаю! Для него нет ничего важнее игры в «Старз». Почему он из кожи вон лезет, чтобы все пустить по ветру?

— Тебе лучше знать, — мило улыбнулась Фэб. — Недаром ты едва не доконал команду, прежде чем появилась я!

— Должно быть, ты меня с кем-то спутала.

Фэб рассмеялась, и мрачная гримаса на физиономии Дэна сменилась откровенно интимной улыбкой. Правда, улыбка эта тут же померкла.

— Не знай я его лучше, посчитал бы, что он одержим дьяволом.

— Дьяволицами, — поправила Молли. — С иностранным акцентом и сиськами восьмого размера.

— Не забывай, подобные вещи — неотъемлемая часть имиджа футболиста, как крем на торте, — возразил Дэн.

Молли, не желая ничего больше слышать о Кевине, быстро чмокнула зятя в щеку.

— Ханна ждет. Привезу ее завтра днем.

— Только не позволяй ей читать утренние газеты.

Ханна сильно переживала, когда репортеры ругали «Старз», а новость о штрафе Кевина, несомненно, вызовет негативные отклики прессы, и это огорчит девочку.

Молли помахала на прощание родственникам, зашла за Ханной, поцеловала племянников и отправилась домой. Автострада была забита машинами. Наверняка пройдет не меньше часа, прежде чем она вырулит на дорогу в Эванстон, старый городок на Северном Берегу, где располагались и ее альма-матер и нынешний дом.

— Слайтерин! — обругала она мерзавца, посмевшего подрезать ее.

— Грязный паршивец Слайтерин! — вторила Ханна.

Молли усмехнулась. Слайтеринами звались плохиши из книг о Гарри Поттере, и Молли превратила имя в довольно приемлемое ругательство, которое без опаски можно произнести при детях. Ничего удивительного, что оно быстро вошло в лексикон сначала Фэб, а потом и Дэна.

Краем уха прислушиваясь к щебету Ханны, перечислявшей события сегодняшнего дня, Молли вернулась мыслями к разговору с сестрой и тем временам, когда она вошла в права наследования.

По завещанию Берта команда «Чикаго старз» отходила к Фэб. Все, что осталось после ряда неудачных вложений, перешло к Молли, и поскольку та была несовершеннолетней, Фэб управляла ее состоянием, пока оно не возросло до пятнадцати миллионов долларов. Достигнув двадцати одного года и получив диплом журналиста, Молли обрела и огромное состояние, позволившее ей вести полную роскоши и неги жизнь в шикарных апартаментах на чикагском Золотом Берегу.

Место было чистеньким и спокойным, соседи — в основном людьми пожилыми, не любящими вмешиваться в чужие дела, и девушка далеко не сразу поняла, какую ошибку сделала, поскольку была слишком занята, покупая наряды от кутюр, перед которыми не могла устоять, и раздавая подарки друзьям и приятелям. Себе она приобрела дорогую машину. Но уже через год Молли была вынуждена признать, что праздное существование богатой бездельницы не для нее. Она с детства привыкла трудиться как в школе, так и на временной работе, куда устраивалась летом по настоянию Дэна. Поэтому после недолгих раздумий Молли решила стать репортером.

Она была занята с утра до вечера, но все же быстро осознала, что творчеством тут и не пахнет, и чувство неудовлетворенности собой и своей жизнью не оставляло ее. Молли каза-

лось, будто она играет роль в каком-то спектакле, вместо того чтобы дышать полной грудью. В конце концов она уволилась, чтобы работать над романтической сагой, которую всегда мечтала написать, однако вместо этого принялась править истории, когда-то сочиненные ею для детей Кэйлбоу, — сказки о смелой, хоть и вспыльчивой, крольчишке, одевавшейся по последней моде, живущей в коттедже на опушке Соловьиного Леса и без конца попадавшей в забавные переделки.

Постепенно она начала иллюстрировать свои сочинения смешными рисунками. Молли с детства умела орудовать пером и чернилами, а теперь стала раскрашивать силуэты героев яркими фломастерами, и Дафна с друзьями постепенно ожили.

Она была на седьмом небе, когда «Бердкейдж пресс», небольшое чикагское издательство, купило ее первую книгу «Дафна говорит „привет“», хотя аванс едва покрыл почтовые расходы. Молли наконец нашла свою нишу в мире бизнеса, хотя при таком огромном богатстве подобное занятие могло считаться скорее хобби, чем призванием, и на душе у нее по-прежнему было невесело. Она не находила себе места. Возненавидела свою квартиру, гардероб, волосы... Даже сверхмодная стрижка «ежик» не помогла.

Молли мечтала исподтишка включить пожарную сигнализацию или сорвать стоп-кран. Но поскольку времена безумств прошли, в один прекрасный день она оказалась в кабинете поверенного с объявлением, что желает вложить все деньги в фонд для детей из неблагополучных семей. Потрясенный адвокат лишился на время дара речи, но Молли была счастлива — впервые с того момента, как стала совершеннолетней. Подписав бумаги, она испытала необычайную легкость, словно с рук и ног спали все оковы и теперь можно было абсолютно свободно лететь куда угодно.

— Как здесь хорошо! — выдохнула Ханна, когда Молли открыла дверь своей крохотной мансарды на втором этаже, всего в двух минутах ходьбы от центра Эванстона. Молли согласно кивнула. Даже если она покидала свой дом ненадолго, всегда любила возвращаться в него.

Все члены семейства Кэйлбоу считали мансарду тети Молли самым крутым местом на свете. Дом был построен в 1910 году для дилера по продаже «студебекеров», потом использовался как офис и, наконец, как склад. Несколько лет назад его реконструировали. В кондоминиуме Молли были огромные окна от пола до потолка, встроенная вентиляционная труба в алюминиевом корпусе, а стены из потемневшего кирпича украшали рисунки и картины хозяйки. Квартирка считалась самой маленькой и дешевой, зато потолки высотой в четырнадцать футов давали ощущение безграничного пространства. Каждый месяц, внося плату по закладной, Молли целовала конверт, прежде чем опустить его в почтовый ящик. Дурацкий ритуал, но она неизменно ему следовала.

Большинство знакомых считали, что у Молли есть доля в «Старз», и только немногим было известно, что она теперь небогата. К небольшому доходу от издания книг добавлялись деньги, которые она получала как внештатный сотрудник подросткового журнала «Чик». Правда, к концу месяца на такие предметы роскоши, как одежда и книги в твердых переплетах, оставалось совсем немного, но Молли это не волновало. Она посещала дешевые распродажи, магазины подержанных вещей и библиотеки.

Жизнь была прекрасна. Пусть она никогда не познает Высокую Страсть, как Фэб, но Господь наделил ее буйным воображением и безграничной фантазией. У нее не было ни жалоб, ни причин бояться, что душевное смятение опять охватит ее. А новая прическа? Да это не что иное, как дань моде!

Ханна сбросила пальто и присела на корточки, чтобы поздороваться с Ру, карликовым серым пуделем, весело подбежавшим к двери. И Ру, и Кенга, пудель Кэйлбоу, были потомками незабвенной Пу Фэб.

— Эй, вонючка, ты скучал по мне? — осведомилась Молли, отбрасывая почту, чтобы чмокнуть пушистый хохолок Ру.

Тот лизнул ей подбородок и, картинно насторожившись, издал свое знаменитое рычание.

— Да, да, мы уже боимся, верно, Ханна?

Ханна хихикнула и подняла глаза на Молли:

— Все еще любит притвориться полицейской собакой?

— Самый страшный пес из всех полицейских ищек! Не будем оскорблять его самолюбие, объясняя, что он всего лишь пудель.

Ханна восторженно стиснула Ру и, поставив его на пол, направилась к «кабинету» Молли, занимавшему дальний конец огромной комнаты.

— Написала новые статьи? Мне понравилась «Ночь страсти после школьного бала».

— Скоро напишу, — улыбнулась Молли.

В соответствии с требованиями рынка статьи, посылаемые ею в «Чик», почти всегда получали двусмысленные заголовки, хотя содержание было абсолютно безобидным. В «Ночи страсти» говорилось о последствиях занятий сексом на задних сиденьях машин. «От девственницы до ведьмы» рассказывала о новых направлениях в косметике, а «Хорошие девочки пускаются во все тяжкие» повествовала о походе трех четырнадцатилетних школьниц по городским окрестностям.

— Можно посмотреть твои новые рисунки?

— У меня ничего нет, — покачала головой Молли. — Мне в голову пришла новая идея, но я еще не успела над ней поразмыслить.

Иногда ее книги начинались с небрежных набросков, иногда с текста. Сегодняшний сюжет подсказала сама жизнь.

— Расскажи! Пожалуйста!

Обычно, прежде чем приступить ко всему остальному, они любили выпить по чашечке чая «Констант коммент». Вот и сейчас Молли отправилась в крохотную кухню, располагавшуюся напротив «кабинета», и поставила чайник на огонь. Ее миниатюрная спальная антресоль располагалась как раз над «гостиной». Металлические полки были полны книг: сочинения обожаемой Джейн Остен, потрепанные романы Дафны Дюморье и Ани Ситон, ранние произведения Мэри Стюарт, Виктории Холт, Филлис Уитни и Даниелы Стил.

На полках поуже в два ряда стояли карманные издания — исторические саги, дамские романы, детективы, путеводители и справочники. Были здесь и биографии знаменитых женщин, и несколько томов наименее угнетающих антологий книжного клуба Опри³.

Старенькие, но драгоценные для нее детские книжки Молли держала в «спальне». В коллекции были все истории об Элоизе и Гарри Поттере, «Колдунья Блекбед-Понд», несколько сказок Джуди Блум, «Дети из товарного вагона» и «Энн из Грин-Гейблз» Гертруды Чендлер Уорнер, зачитанные «шедевры» Барбары Картленд, которые она открыла для себя в десять лет. Словом, типичное собрание истинного книжного червя, и дети Кэйлбоу обожали валяться на постели в окружении разнокалиберных томов, пытаясь решить, что выбрать из огромной кипы книг.

Молли вынула из шкафчика фарфоровые чашки с тонкими позолоченными ободками и россыпью лиловых анютиных глазок.

— Я решила, что моя новая книга будет называться «Дафна летит кувырком».

— Расскажи!

— Ну... Дафна пробирается через лес по своим делам и никого не трогает. И тут вдруг откуда ни возьмись вылетает Бенни на своем горном велосипеде и сбивает ее.

---

³ Опра Уинфри — самая популярная телеведущая в США, ведет ток-шоу, нечто вроде «книжного клуба».

— Негодный барсучишка! — неодобрительно фыркнула девочка.

— Именно.

— Думаю, неплохо бы кому-нибудь стянуть этот велосипед! — лукаво предложила Ханна. — И поделом ему! Не будет пакостить!

— В Соловьином Лесу нет воровства, — покачала головой Молли. — Разве мы не говорили об этом, когда ты хотела, чтобы кто-нибудь стащил горные лыжи Бенни?

— Кажется... — Девочка упрямо поджала губы. В точности как ее папаша, когда ему что-то не нравится! — Но если в Соловьином Лесу есть горные велосипеды и горные лыжи, почему не быть воровству? И Бенни это не нарочно. Он не такой уж плохой, просто озорник.

Молли отчего-то снова вспомнила о Кевине.

— Слишком уж тонкая грань между озорством и глупостью!

— Бенни не глупый! — отчаянно воскликнула Ханна, и Молли пожалела о своей несдержанности.

— Конечно, нет. Он самый умный барсук в Соловьином Лесу, — заверила она, взъерошив племяннице волосы. — Давай выпьем чайку, а потом погуляем с Ру у озера.

За всеми делами Молли совсем забыла о почте и стала просматривать письма, только когда Ханна уснула с помятым романом «Желание Дженнифер» в руках. Молли прижала счет от телефонной компании зажимом и машинально вскрыла большой канцелярский конверт. Один взгляд на заголовок — и она брезгливо поморщилась. Нужно же было ей взять это в руки!

«Здоровые духом дети для здоровой духом Америки!

Проказа гомосексуализма подбирается к вашим детям! Самых невинных граждан страны ввергают в пучину порока и извращений непристойными книгами и разнузданными телешоу, прославляющими сексуальные отклонения и отсутствие моральных принципов...»

«Здоровые дети для здоровой Америки», сокращенно «ЗДЗА», — известная чикагская организация, сдвинутые члены которой с безумным блеском в глазах выплескивали свою паранойю, участвуя во всех местных ток-шоу. «Ах, если бы их энергию да на что-нибудь полезное — может, и несчастных детей стало бы меньше!» — подумала Молли, прежде чем швырнуть письмо в мусорное ведро.

На следующий день Молли отвезла Ханну к родителям и помчалась по шоссе в Дор-Каунти, летний дом Кэйлбоу в штате Висконсин. Отняв руку от руля, она рассеянно погладила хохолок Ру. Солнце клонилось к горизонту, и вряд ли можно было рассчитывать попасть туда раньше полуночи.

Решение ехать на север было чисто импульсивным. Вчерашний разговор с Фэб обнажил то, что Молли старалась скрыть даже от себя самой. Сестра была права — недаром она перекрасила волосы. Прежняя неудовлетворенность собой вернулась, а вместе с ней явились и старые проблемы.

Разумеется, у нее нет никакого желания включить пожарную сигнализацию и с наследством она уже успела разделаться, но это еще не означает, будто подсознание не изобретет очередного способа отмочить что-нибудь этакое. Недаром у Молли было неприятное ощущение, словно ее снова затягивает омут, из которого она, казалось, выбралась навсегда.

Университетский психолог много лет назад сказал ей:

— В детстве вы верили, что можете заслужить любовь отца примерным поведением. Воображали, что если будете учиться на отлично, выполнять все писанные и неписанные правила, тогда он даст вам то, в чем нуждается каждый ребенок: похвалу, нежность и доброту. Но ваш отец оказался неспособным на такого рода любовь. Поэтому время от времени что-то в вас ломалось и вы совершали очередную проделку самого низкого, по вашим поня-

тиям, толка. Вполне естественная реакция. Это помогло вам сохранить рассудок и цельность характера.

— Но это не объясняет того, что я натворила в высшей школе, — возразила тогда Молли. — Берт умер, и я жила с Фэб и Дэном. Оба любили меня. А как насчет украденного калькулятора?

— Может, вы хотели испытать любовь Фэб и Дэна?

Молли от неожиданности задохнулась:

— О чем вы?!

— Единственный способ убедиться в стойкости и неизменности их любви — совершить нечто ужасное и посмотреть, не отречутся ли они от вас.

Они были рядом. Все время.

Так почему же все вернулось? Она больше не хочет никаких неприятностей и готова всю жизнь писать книги, наслаждаться обществом друзей, гулять с Ру, играть с племянницами и племянником. Но отчего, отчего не находит себе места? Стоит лишь взглянуть на омерзительно-красные волосы, чтобы понять: она на грани срыва.

Так что лучше пока спрятаться от греха подальше в Дор-Каунти на недельку-другую. Уж там она наверняка ни во что не впутается.

В это самое время Кевин Такер мирно спал и видел во сне катившийся по полю мяч. Разбудил его подозрительный шум. Кевин перевернулся на спину, застонал и попытался было сообразить, где находится, но бутылка шотландского виски, которую он успел уговорить перед сном, весьма эффективно отшибла память.

Он снова услышал звук, какое-то царапанье у двери, и в голове немного просветлело. Он в Дор-Каунти, штат Висконсин. На этой неделе у «Старз» нет игр, и Дэн шибанул его десяти тысячным штрафом. Ко всему прочему сукин сын приказал ему отправиться в летний дом и оставаться там, пока не поумнеет.

Черт возьми, с его головой все в порядке! А вот о бешено дорогой и самой современной сигнализации Кэйлбоу этого не скажешь — кто-то пытается вломиться в дом, а она молчит.